

ЗАОЧНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ РЕДАКЦИИ

ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ И ПЕРЕХОД К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Редакция нашего журнала обратилась к ряду ведущих ученых страны с просьбой ответить на следующие вопросы:

1. Собственность — одно из сложных, до сих пор плохо определенных понятий, в то же время несущих огромную нагрузку в суждениях ученых, политиков, широкой общественности. Что в проблематике собственности представляется прочно утвердившимся с научной точки зрения и какие принципиальные моменты в дискуссии о перестройке отношений собственности вы считаете лишенными надежной рациональной опоры?

2. Путь демократизации в политике и децентрализации в экономике пролегает через «минное поле» кризисных явлений, взрывоопасных ситуаций. Предельно обострилась коллизия между потребностями обновления и стабильности социальной жизни. И вот уже не демократия, а авторитарная власть представляется многим единственным политическим средством экономической реформы, обеспечивающим необходимый «потенциал воли» в ее проведении и умеряющим дестабилизирующие последствия хозяйственной децентрализации. Каково ваше видение этой проблемы?

3. Формирование регулируемого рынка тесно связано с другой, не менее важной целью реформы экономики — ее социальной переориентацией. Императив жесткой экономики ради оздоровления финансов и расширение социальных программ, хозяйственная децентрализация и необходимость крупномасштабных, концентрированных акций государства в сфере структурной политики, развитие рыночного механизма цен и «эвакуация» из застойных зон бедствия малоимущих слоев населения — таковы, в частности, оси этой проблемы. Существует ли, на наш взгляд, некий общий принцип компромисса в достижении названных целей? Каковы его основные составляющие: социальная (распределение «выгод» и «издержек» реформы между социальными группами); экономическая (распределение собственности, а значит бремени ответственности, между государством, трудовыми коллективами, семьями); политическая (распределение власти между центром и регионами)?

4. Какие личностные типы (группы, различающиеся жизненными установками, поведением и пр.), точнее, какой их состав обеспечит благоприятную почву для будущего хозяйственного устройства? Какие пропорции этих типов адекватны различным этапам экономических преобразований? В какой мере фактическая картина и возможности ее изменения удовлетворяют указанным условиям?

5. Экономическая реформа потребовала не только новых законов, закладывающих правовые основы формирования институтов регулируемого рынка. Отказ от тотального административного насилия над хозяйственной жизнью ставит более широкий вопрос о принципиально новой роли права в экономике. Что в этом отношении означает переход от экономики распределительной (основанной на команде) к экономике контрактной (базирующейся на договоре равноправных субъектов)? Каким принципом должны руководствоваться законодательные и административные акции «быстрого реагирования» на негативные явления переходного периода, чтобы сохранить доверие к только что принятым законам и не развивать «терроризм» исполнительных органов? Как практически согласовать в организации хозяйственной жизни начала права (гарантом которого выступает государство) и местного самоуправления?

6. Сейчас мысль экономистов развивается от абстрактного противопоставления «плана» и «рынка» к более гибким представлениям об их взаимодействии в реализации основных функций экономики. Но как бы ни выглядело это взаимодействие в идеале (когда уже в наличии «не тот план» и «не тот рынок»), практическое продвижение к нему, по крайней мере на первых порах, неизбежно осуществляется в рамках реально сложившейся полярности жестко централизованного плана и стихии рынка, существовавшего в скрытом виде и прежде (теневая экономика). Иначе говоря, происходит механическое сокращение одной сферы и расширение другой. «Плохой» план вытесняется «плохим» рынком — со всеми вытекающими отсюда опасными последствиями и искушениями вернуться назад. В чем вы видите решение этой проблемы?

7. Центральная идея экономической реформы — «разгосударствление» собственности. Но одни понимают ее как приватизацию, расширение сектора частного предпринимательства, индивидуальных хозяйств и т. п. Другие — как путь «раскрепощения» общественной собственности в ее новых, исторически еще не опробованных формах. Ваша позиция?

8. Как можно было бы точнее сформулировать понятие «смешанной экономики»? По каким признакам следует судить о принадлежности экономики к смешанному типу? Как при этом соотносятся между собой градации секторов экономики по типам хозяйств (государственные, частные), владельцам имущества, формам собственности?

9. Тема предпринимательской деятельности в реформированной экономике остается пока, если можно так выразиться, бледным пятном, едва проглядывающим сквозь плотную завесу опасливого недоверия к любым проявлениям «капиталистического духа». Опыт оставляет мало надежд на расцвет предпринимчивости (как синонима хозяйственной инициативы и готовности идти на риск) в бюрократической машине управления экономикой. Означает ли это, что предпринимчивость может реально существовать только в форме предпринимательства децентрализованных хозяйственных единиц, взаимодействующих на рыночных принципах? Но опыт (прежде всего югославский) говорит о том, что такое «предпринимательство», поскольку оно осуществляется трудовым коллективом, дисфункционально, угнетает, а не стимулирует инвестиционную активность и поиск эффективных нововведений. Значит, переход к рынку принесет ожидаемые плоды лишь в том случае, если функцию предпринимательства возьмет на себя определенная группа людей, т. е. она институционализируется в фигуре предпринимателя как профессионала управления, в условиях рынка заступающего на место профессионала чиновника? Если это так, то какое место должен занять предприниматель в новой системе отношений собственности? Если же нет, каковы альтернативные формы осуществления предпринимательской функции в регулируемой рыночной экономике?

Ниже приводятся полученные ответы.

Майминас Е. З., зав. отделом ИЭП НТП, д. э. н.

Прежде всего, хотелось бы отметить интересные, побуждающие к размышлениям постановки вопросов. Они выводят, в частности, проблему собственности далеко за рамки устоявшейся в советской литературе парадигмы и связывают эту проблему с теоретическим переосмыслением нашего экономического строя и его преобразования.

1. Как мне представляется, категория собственности может служить одним из звеньев исходного анализа и построения концепции определенной общественно-экономической системы. Однако в духе марксистской (точнее, гегельянской) традиции монистического объяснения действительности значение собственности как единственной основы экономического строя преувеличено. В других же марксистских трактовках содержание этого понятия обеднено, «выпрямлено» и, главное, мифологизировано.

На понятии собственности на средства производства (в их соотношении с рабочей силой) конструируется стройная схема с неотвратимой

последовательностью сменяющих друг друга общественно-экономических формаций, под которую подгоняется все многообразие реальных процессов общественного развития в мире. В прокрустово ложе этой схемы никак естественным образом не укладывается «азиатский способ производства» (по терминологии Маркса), а ведь он в разных вариациях веками господствовал в древнем Египте и Междуречье, Китае и Индии, у инков и ацтеков. С трудом объясняется община во многих ее чрезвычайно устойчивых разновидностях. Не теорией, а внешними обстоятельствами обосновывается ужесточение крепостничества в дореформенной России, рабство на юге США середины XIX в. Не более чем «деформациями» объявляются принудительные формы труда в СССР и др. Все эти явления и процессы охватывали большую часть ойкумены, в то время как «классическая» смена формаций наблюдалась лишь в незначительной ее части, а во многих местах переход от одного строя к другому был навязан извне. Поэтому общетеоретическую схему формационной динамики приходится оснащать многочисленными «эпизиклами» наподобие птолемеевой модели солнечной системы, чтобы привести ее в какое-то соответствие с реальностью. Так возникли на страницах книг разнообразные квазипереходные и гибридные формы, например, «государственно-капиталистические», а теперь и формы «государственного социализма», «рыночного социализма». Обосновывался переход к социализму, минуя капитализм. Появилось невиданное понятие «социалистической ориентации», прилагающееся к ряду стран третьего мира, пока они дружелюбны Советскому Союзу.

Но главные трудности порождаются абсолютным противопоставлением частной и общественной собственности. В действительности под крышей каждого из этих понятий гнездятся самые разнотипные хозяйственные формы. Частными могут быть и натуральное хозяйство, рабовладельческая латифундия, цеховая мастерская, бензоколонка или мелкая фирма, торговый или банкирский дом, фермерское хозяйство, колхозный двор и «собственность граждан» (недавно появился такой стыдливый эвфемизм). Общим у них является, видимо, наличие одного единоличного хозяина-собственника. Далее следуют формы хозяйствования, предполагающие нескольких или многих собственников, т. е. группу, коллектив хозяев: коммодитное товарищество, разновидности акционерных обществ, кооперативов (в том числе колхозов) и т. п. Последней в этом ряду выступает государственная собственность, которая также может иметь акционерную форму: при этом предполагается, что государство выступает как представитель всех граждан-сособственников.

Во всех коллективистских формах устанавливаются определенные правила взаимоотношений их собственников. Обычно какие-то элементы этих правил определяет государство так же, как оно предъявляет и некоторые общие требования ведения всякого, в том числе и частного, и государственного хозяйства. Причем частный или коллективный собственник, государство может пригласить, нанять, избрать, назначить управляющего своим имуществом.

Как видим, непроходимой пропасти между частной и государственной собственностью нет. Конечно, в разных хозяйственных системах различаются условия и характер функционирования частных, коллективных, государственных предприятий, степень и формы государственного регулирования. Однако и национализация частной, и приватизация государственной собственности могут осуществляться в рамках одной и той же хозяйственной системы, скажем, в рыночной экономике Англии последнего полувека.

Чтобы совершить отсюда прыжок к противопоставлению частной и общественной собственности приходится осуществить две взаимосвя-

занные операции. Во-первых, вводится критерий трудовой (или соответственно—нетрудовой и, значит, эксплуататорской) основы того или иного хозяйства.

Во-вторых, определяется классовая природа государства и, тем самым, государственной собственности. Раз государство представляет интересы эксплуататоров, то и его собственность эксплуататорская. Ну, а если оно выражает интересы трудящихся, то и государственная собственность является общественной. Точно так же групповая собственность трудящихся трактуется как общественная, но менее зрелая. Ее еще предстоит подтянуть до уровня государственной, общенародной. И подтягивали, да как! К частной собственности, даже основанной на труде хозяина, отношение оставалось настороженным, а по сути резко отрицательным, ибо частное хозяйство, как утверждалось, рождает капитализм ежедневно и в массовом масштабе.

Но каков, скажем, механизм капиталистической эксплуатации человека государством в условиях демократии? Как объяснить отчуждение человека от общественной собственности в условиях «реального социализма»? Или в чем трудовая природа процентов по сбережениям или доходов от наследуемого имущества в нашей стране? Как быть у нас с доходами совместных предприятий или кооперативов, в которых есть наемные работники? Следовательно, и здесь далеко не все однозначно, и здесь не конкретизировано понятие эксплуатации.

На абсолютизации дихотомии «частная—общественная собственность» со времен «Манифеста» зиждилось понимание коммунизма как отрицания, уничтожения частной собственности. Таковым оно вошло в азы марксистской идеологии, и—в сплаве с общинно-уравнительной традицией—в массовое сознание в нашей стране. Частная собственность и вместе с ней предпринимательство и рынок однозначно увязывались с эксплуатацией человека человеком, освобождение от которой способна дать лишь общественная собственность. Частная собственность, как утверждалось, в конечном счете привела к загниванию и общему кризису капитализма, а общественная—ведет от победы к победе по пути неуклонного развития плановой экономики и столь же неуклонного роста благосостояния народа.

Я не ставлю задачу сравнить подобную мифологию с действительностью. Хочу лишь отметить, что на ней строились вполне реальные действия и в насильственной коллективизации, и в «раскрепощении» колхозников путем сведения скота с их подворий, и совсем недавно в борьбе с «нетрудовыми доходами» от приусадебного хозяйства. Живучесть анти-частнособственнической установки служит одним из важнейших препятствий в радикализации экономической реформы и активно эксплуатируется всеми консервативными силами, заинтересованными в сохранении своих экономических и социальных позиций.

На деле огосударствление экономики в СССР приобрело невиданные в новой истории масштабы. После ликвидации промысловой кооперации, с ростом доли совхозов и фактического стирания различий между ними и колхозами в огосударственной экономике в 1989 г. работало 95% занятых в народном хозяйстве. Через госбюджет перекачивается почти четверть пятых национального дохода.

Этой гигантской массой материальных, трудовых, финансовых ресурсов до последнего времени практически бесконтрольно распоряжался партийно-государственный аппарат. Но в ресурсные потоки и институциональные структуры легальной экономики все шире внедряется экономика теневая; ее развитие вообще не получило теоретического объяснения. Понятие общественной социалистической собственности (от которой подавляющая часть общества была отчуждена) служит лишь прикрытием дан-

ных основополагающих фактов. Соответственно, малосодержательной оказалась и принятая схема социальной структуры советского общества (два дружественных класса — рабочий класс и колхозное крестьянство и прослойка трудовой интеллигенции).

Итак, действительное многообразие форм экономической жизни никак не укладывается в мифологизированную структуру форм собственности. Вероятно, более плодотворным исходным пунктом было бы понятие социального контроля процессов производства, распределения, обмена, потребления и соответственно — анализ его форм и институтов. Под социальным контролем здесь понимается способ доминирования, обеспечивающий реализацию принятых решений и использование ресурсов в своих — частных, групповых, общественных — интересах. Конечно, важной является и собственность, но не только и не всегда она одна позволяет навязать «свой» интерес, получить экономическую выгоду. Достаточно вспомнить церковную десятину в средние века, систему холдингов или эффект монополии, экономические возможности какого-нибудь сельского райкома да и вообще всю экономическую власть партаппарата в странах «реального социализма» в наши дни.

2. Сильная исполнительная власть при сильных и независимых законодательной и судебной обязательно нужна, особенно на этапе крутых преобразований. Иначе они не могут быть реализованы. Однако авторитарность, означающая огромную концентрацию социального контроля в руках одной личности — без достаточных противовесов, крайне опасна. В предельном случае единственной гарантией «правильности» преобразований, их соответствия интересам основной части населения становятся личные качества правителя, его желание и способность вести страну в этих интересах.

Сказанное особенно актуально для России, где демократия (если не считать думских пеленок и митингов 1917 г.) делает лишь первые шаги и где весьма живучи царистские традиции. Вообще, я согласен с тезисом о неразрывности перехода к регулируемой рыночной экономике и демократических преобразований.

3. Общий принцип компромисса в достижении всех целей осуществляемых преобразований: не прыжок, а последовательный, поэтапный, но решительный процесс с необходимой их «критической массой» в каждом периоде. Главное — в соблюдении динамического баланса и в консолидации сторонников этих преобразований с учетом их специфических интересов. Условием становится опережающая политика, а не запоздавшая, вынужденная реакция на события, на давление тех или иных социальных групп. Негативными примерами могут служить запаздывание радикальной экономической реформы и нового Союзного договора, предпринимаемые с 1987 г. полумеры в обоих направлениях.

Платить нам приходится не столько за реформы, сколько за административно-командную систему и порожденные ею глубокие структурные деформации в экономике. Реформа как раз может относительно уменьшить эту плату и сократить сроки «выплат». Скажем, увеличится дифференциация оплаты по труду, но возрастет объем распределения и вместе с ним — социально гарантированный минимум. Уравнилельные установки — элемент старой структуры — препятствуют этому.

4. По теоретическим аспектам этого вопроса мне приходилось высказываться в работах о социально-экономическом генотипе, в частности, в двух статьях в сборнике «Постижение» (М.: Прогресс, 1989). Главное — преодолеть базирующиеся на мифологизированной социалистической собственности распределительные установки — бюрократически статусную и массовую уравнилельную («справедливую»). С ними тесно связан «об-

щинный» коллективизм, весьма удобный и для бюрократического контроля.

Должны всячески поощряться предпринимательский интерес и полноценные интериоризированные трудовые мотивации, чем бы они ни определялись: частным хозяйствованием, идентификацией с фирмой служением обществу. Если экономическая жизнь предложит возможность выбора разных вариантов, то со временем установится (а затем будет естественно изменяться) их рациональное соотношение.

5. Представляется, что создание правового государства и функционирование в его условиях гражданского права дает необходимую и достаточную юридическую базу современной экономики. На этой базе и будут разрабатываться и исполняться законы, конкретизирующие государственное регулирование народного хозяйства. Ничего принципиально нового здесь выдумывать не надо. Только тогда будет преодолено всевластие «телефонного права» — подлинного бича правосудия и важного орудия бюрократического социального контроля на всех уровнях. Кстати, не менее опасно и «митинговое право», которым могут манипулировать демагоги и те же бюрократы.

6—9. Решение проблемы — в отказе от мифов о «плане» и «рынке» и в формировании нормальной смешанной экономики, в которой взаимодействуют два контура регулирования: вертикальный, основанный на централизованной мобилизации и распределении ресурсов (госпредприятия, госбюджет, государственные инвестиционные и социальные программы, государственные фонды, государственная поддержка общественных фондов и т. п.) и горизонтальный, базирующийся на рыночных механизмах (государство воздействует на него посредством налоговой, кредитной, денежной, торговой и т. п. политики). Это не два обособленных сектора, поскольку все звенья смешанной экономики развиваются на единой рыночной основе. Соотношения обоих контуров в такой экономике могут изменяться, и на первых порах роль вертикального контура неизбежно будет относительно высокой.

При этом возможно и необходимо сочетание самых разных хозяйственных форм — государственных с административным управлением и акционерным, смешанных акционерных обществ, холдингов и консорциумов с государственным, муниципальным, иностранным, нашим банковским, кооперативным, частным участием, частных акционерных обществ и их объединений, кооперативов разных видов, частных предприятий и хозяйств с наемным трудом и без оного. Действительно раскрепощенная экономическая жизнь все расставит по своим местам, если государство будет ее регулировать, а не навязывать какие-либо идеологические приоритеты.

Кстати, отождествление предпринимателя с профессионалом управления в условиях рынка и его противопоставление профессионалу-чиновнику (в девятом вопросе анкеты) — тоже один из мифов. В условиях рынка нужны и предприниматели, и наемные менеджеры, и профессиональные чиновники. Но этим трем категориям работников (как, вероятно, и другим гражданам — рабочим, ученым и деятелям культуры, офицерам, пенсионерам, студентам, домохозяйкам и др.) предстоит еще пройти большой и небезболезненный путь от вчерашних мифов и сегодняшней действительности к завтрашним реалиям, приспособление к ним и их трезвое осмысление.

Чем меньше иллюзий и прожектерства, чем больше знаний мировой науки и практики, анализа отечественного и зарубежного опыта будет у нас, экономистов, тем весомее станет наш вклад в движение общества по этому пути.

1. Крайняя неразвитость теории собственности в советской экономической науке привела к засилью формализма: утверждалось, что решение едва ли не всех проблем экономики и социальной жизни упирается в форму собственности — частная или общественная. Сейчас мы, по сути дела, продолжаем эту традицию — только со знаком «минус»: вчера воспевали удивительные достоинства общественной собственности, сегодня склонны относить на ее счет все грехи и противопоставлять ей в качестве абсолютного фундамента эффективности и справедливости частную. По нашему мнению, на таком пути никакого реального прогресса достичь невозможно.

Некоторые, в том числе и авторы общесоюзного Закона о собственности, видят выход из создавшегося положения в плюрализме ее форм, признании их равноправия и равноценности. Это в значительной мере тоже формально; к тому же в ближайшие годы неизбежно доминирование одной формы собственности — государственной. Попытки «лобовой атаки» на нее чреваты угрозой подрыва самой основы собственности — ее правовой защищенности.

Иными словами, нужен принципиально новый подход, порывающий с формализмом. Я вижу выход из этого тупика в получившей развитие на Западе теории разделения правомочий собственности, приложением которой к особым условиям стран Восточной Европы стала, на наш взгляд, оригинальная концепция «национальной арендной системы». Я. Ванека.

2. Глубокая деформированность структуры нашей экономики действительно требует особой стратегии перехода к рынку. Суть ее — сохранение достигнутого уровня благосостояния основных групп населения на протяжении переходного периода. Только так, обеспечив «социальные тылы» перестройки, можно радикально изменить структуру производства, систему занятости, отношение к труду.

Это диктуется, во-первых, крайне низким жизненным уровнем значительной части населения СССР, в отличие от Чехо-Словакии и Польши, мы не можем позволить себе его дальнейшего снижения. Во-вторых, колоссальным объемом задач в сфере производства. Речь идет о перемене за несколько лет мест приложения труда, профессии и стиля работы для десятков миллионов людей, занятых сейчас на неэффективных рабочих местах в различных сферах народного хозяйства. Одновременно должен быть создан потенциал предпринимательской активности.

Все эти перемены не подготовлены психологически, поэтому провести их в сочетании с резким понижением уровня жизни населения невозможно и по политическим причинам. Вместо рынка очень легко может разгореться гражданская война.

Таким образом, необходим специальный механизм, обеспечивающий стабильность потребления основных товаров и социальных услуг в условиях ломки старой экономической системы. Это можно называть авторитарной властью, но не такой, как в Южной Корее, Бразилии или Чили. Здесь скорее уместна аналогия с «Новым курсом» Ф. Д. Рузвельта, т. е. эта авторитарность будет корениться в самой демократии, смыкаться в каких-то моментах с популизмом и ставить целью солидарное распределение между всеми слоями и социальными группами издержек перехода к рыночной экономике.

Многие сейчас, похоже, готовы пренебречь этим вопросом, предоставить дело стихии самого рынка. Но в свете предшествующей истории и идеологии нашего общества это кажется не только безнравственным, но и крайне опасным. В конце концов, кто виноват в том, что все это время десятки миллионов молодых, самых способных и энергичных граждан

нашей страны были заняты в армии, добывающей, тяжелой и оборонной промышленности, в разросшемся административном и партийном аппарате?

Попытка просто отмахнуться от этой ответственности, отказ от использования гигантского потенциала государственной власти для облегчения родовых мук рыночной экономики приведут только к одному: обезумевшие от ужасов «дикого капитализма» люди примутся искать виновников и, конечно, как всегда, пострадают вовсе безвинные, «стрелочники».

3. Общим принципом балансирования социальных и экономических целей в будущей системе представляется гарантированный минимум, т. е. четкое обозначение и «огораживание» средствами государственной помощи тех областей падения дохода и благосостояния, которые недопустимы с социально-политической и неприемлемы с моральной точек зрения.

Что касается переходного периода, то здесь заслуживает проработки идея сочетания «шоковой терапии» в сфере производства с постепенным, растянутым на 3—5 лет, распространением рыночных отношений на сферы распределения и потребления. Т. е. рынок сразу должен проявить в полном объеме свою роль рычага эффективности, но не спешить с «экономическим наказанием» тех, кто окажется на неэффективных рабочих местах. Это, конечно, потребует высоких налогов, ослабит на первых порах стимулы и санкции. Но другого выхода просто нет: ведь именно оптимальный режим санкций (экономической ответственности) определяет суть перехода к рынку. Сейчас мы можем высказать только свое предположение по этому вопросу: оптимален режим санкций, четко разделяющий действительно заработанное от социальных пособий, включающий ежегодное сокращение этих пособий и полное прекращение их выплаты (сверх социально гарантированного минимума) спустя три—пять лет, когда все граждане сумеют получить новую профессию (и новое рабочее место) и психологически адаптироваться к рыночной системе.

Что касается стимулов, то здесь преуспевающим лучше подождать, если они не хотят потерять все в огне гражданской войны. Это тем более справедливо, что в условиях переходного периода большая часть сверхдоходов будет социально незаслуженной, простой рентой с хаоса и беззакония.

Итак, рынок призван быстро и в полном объеме высветить истину об эффективности различных производств и конкретных работников. Но нужна и определенная постепенность (учитывая такие национальные черты русского народа, как медленная «раскачка») в приведении этого праведного приговора в исполнение в части, относящейся к людям и их семьям.

4. Наиболее очевидным психологическим переломом представляется отношение к инициативе и предприимчивости. Традиционный русский тип «дамы, приятной во всех отношениях» уступит (фактически уже уступил) место человеку менее открытому и в большей степени готовому к превратностям конкурентной борьбы. Хотелось бы отметить, однако, важную деталь. Сейчас, в условиях тотального дефицита на первый план выдвигаются люди, умеющие «достать». Предприимчивость направлена на сферу обращения, и «прораб перестройки» — это, в общем, не новая фигура, а всего лишь вариация на старую тему «дельцы теневой экономики».

В условиях рынка искусство «доставать» станет одним из самых бесполезных и появится спрос на людей, хоть что-то понимающих в производстве и технологии. Впрочем, дельцы теневой экономики тоже найдут свое место в мире финансовых спекуляций.

5. Одним из инструментов «быстрого реагирования» на негативные явления переходного периода представляется гибкая налоговая и про-

центная политика. В более широком плане речь должна идти о взаимодействии политики и права, создании механизма обратной связи между населением и органами управления.

Что касается местного самоуправления (вообще, любой инициативы), то, видимо не следует забывать, что важнейшим принципом нового права будет: «разрешено все, что не запрещено законом». Задача самоуправления — выйти за рамки правового формализма, обеспечить на основе координационных методов (консенсуса) широкий учет в процессе принятия решений не только экономических, но и социальных, экологических, культурных и других целей и ценностей.

6. Качество рынка определяется мерой открытости (демократизма, демонополизации) экономики.

До сих пор рынок действительно оставался аренной меньшинства, главным образом, кооператоров. Трудовые коллективы государственных предприятий действовали на нем (через свои Советы) лишь в манере наемных рабочих — добиваясь повышения заработной платы, исключения из госзаказа «невыгодных» видов продукции и т. п.

Изменить это положение может только переход к арендным отношениям.

7. Ключ к верному пониманию «разгосударствления» дает до сих пор оставшаяся абсолютно непонятой фраза К. Маркса о социализме как «возрождении индивидуальной собственности на основе общего владения землей и средствами производства». Это действительно новая экономика, построенная на разделении правомочий собственности. Она позволяет сочетать свободу и ответственность производителя (по сути дела, каждого работника) с контролем собственника (государства) за процессами возрастания капитала и улучшения окружающей среды.

Доходы от собственности — рента и процент — поступают при этом в государственный банк-холдинг, пополняя фонд кредитных ресурсов.

8. В условиях разделения правомочий собственности традиционные границы между хозяйственными укладами размываются. Все большее число предприятий будет применять капитал из разных источников. Критерий формы собственности становится менее важным по сравнению с критерием формы управления (прямое государственное, управление со стороны капитала, самоуправление трудового коллектива).

9. Предпринимчивость и инициатива суть, в конечном счете, свойства труда, а не капитала. В демократически организованной экономике они должны выступать как атрибуты всего трудового коллектива. Этим, заметим, несколько не снижается роль профессиональных менеджеров и целесообразность распределения предпринимательского дохода (части прибыли, остающейся за вычетом процента на капитал) в соответствии с реальным участием в делах управления.

Хотелось бы подчеркнуть чрезвычайную важность этого аспекта: ведь именно игнорирование предпринимательства и инициативы обусловило господство у нас на деле идеологии и психологии наемного труда. Связанная с ними доктрина пролетаризации общества была с самого начала принципиально неверна. Ведь истинная цель социализма прямо противоположна ей: это соединение ролей работника и хозяина, создание, если угодно, общества всеобщего предпринимательства*.

У нас любят иронизировать над известным тезисом о том, что каждая кухарка должна управлять государством. Но доказать хотят совсем другое: что кто-то (чиновник, акционер, технократ?) лучше кухарки сможет

* Слово «предпринимательство» здесь, по существу, синоним самоуправления. Это ключ не только к эффективности, но и к психологическому здоровью населения. Ведь авторитарная организация производства ведет к задержке развития личности, надолго закрепляет в работнике черты инфантильности.

управиться с ее кухней. Занятие это не безобидное. Ведь именно в самоуправлении труда заключается наш едва ли не единственный шанс, если учесть, насколько разрушена за 70 лет предпринимательская функция капитала.

Конечно, полное развитие самоуправления — дело будущего. Сейчас ему противостоят вся система властных отношений, моральная и интеллектуальная неготовность самих работников. Но начинать надо именно сегодня; ведь снять эти препятствия может только практический опыт — рассчитывать, что работники изменятся сами собой, оставаясь «винтиками» авторитарной системы, наивно.

Кстати самих граждан перспектива самоуправления пугает меньше, чем экономистов-теоретиков. Как показал проведенный в ноябре 1989 г. опрос Всесоюзного Центра по изучению общественного мнения, 72% населения положительно относятся к аренде и столько же — к коллективной собственности.

Еще раз подчеркнем: предпринимательская функция у нас менее чем где-либо может быть связана с собственностью на капитал. Поэтому утопичны, на наш взгляд, надежды возродить ее через акционерные предприятия. В реальности дело сведется, скорее всего, к раздаче пакетов акций министерствам, советам министров республик и трудовым коллективам. Эти незаработанные ценные бумаги, вопреки ожиданиям могут стать антистимулом трудовой активности, породят у многих психологию рантье, да и сами дивиденды будут обеспечиваться механическим завышением цен.

«Раздать» акции можно тысячами разных способов, и при каждом из них останутся миллионы недовольных. И эти миллионы, видя, как легко досталась собственность их обидчикам, конечно же, не остановятся перед решительными действиями.

А, главное, любая сколь-нибудь значительная раздача государственного имущества приведет к подрыву самой основы собственности — ее правовой защищенности. Это будет простым продолжением нынешнего иждивенчества и добавит к портрету «лукавого раба» (выражение Т. И. Заславской) неприятные черточки рантье.

Что касается идеи выкупа, то здесь, видимо, сказывается эйфория, порожденная у части населения нынешней инфляцией. В действительности, разумеется, ни о каком выкупе, по крайней мере, в ближайшие 10—15 лет и речи быть не может. Во-первых, в условиях инфляции требуют переоценки сами основные фонды. В Польше, например, их стоимость недавно была повышена в несколько раз. Во-вторых, при переходе к рынку у подавляющего большинства населения, да и предприятий, средств едва будет хватать на самое необходимое. И, в-третьих, даже если эти свободные средства и появятся, то, конечно, при конкуренции их надо будет направить на научно-технический прогресс, а не на то, чтобы выкупать старые фонды.

Решающая роль аренды диктуется самим масштабом нашего государственного сектора, практической невозможностью развить предпринимательскую активность в сфере производства, опираясь только на капитал без самого широкого участия трудовых коллективов.

В заключение, выходя за рамки поставленных вопросов, хотелось бы отметить, что проблема перехода к рынку обсуждается у нас как-то доморощенно, на манер «построения социализма в отдельно взятой стране». Это особенно заметно в реформе цен и внешней торговли.

В действительности, конечно, никакой искусственной конструкции рынка, мучительно выводимой из головы, не требуется: рынок существует, начинается за порогом нашего дома, и задача заключается в том, чтобы вступить в него, сделать экономику открытой.

Но из этого следует, что не нужна централизованная реформа цен: она отвечала бы лишь интересам монополистов-производителей. То, что действительно требуется — это переход к адаптированным ценам мирового рынка.

Точно так же нельзя строить внешнюю торговлю на праве свободной продажи за границу «сверхплановой» продукции. Это опять-таки в интересах производителей, и ни к чему, кроме яростной борьбы за снижение госзаказа, не приведет. В этой области действительно смелым решением стало бы разрешение разным иностранным фирмам продавать свою продукцию на советском рынке за рубли, разумеется, при условии создания независимого центрального банка, способного обеспечить необходимую стабильность рубля.

Завельский М. Г., зав. лабораторией ВНИИСИ, д. э. н.

1. Совместить рынок как регулярно, всеохватно и эффективно действующий на законных основаниях хозяйственный механизм с верностью социалистическому выбору кое-кто полагает делом несложным, кто-то считает вовсе необязательным, кому-то представляется желательным, но невыполнимым. Ибо для этого требуется частная собственность на средства производства, их приватизация с отказом, следовательно, от некогда осуществленной национализации. Есть категория людей — политики, понимающие свое дело как «искусство невозможного», и их подопытные. Это — идолопоклонники или язычники умозрительного социализма, названного Ф. М. Достоевским «алхимией прежде химии, астрологией прежде астрономии». Они приходят в ужас от «посягательства на святыни» и готовы спасти их любой ценой. Наконец, существует мнение, что рынок чужд социально-культурной среде, сложившейся в стране: ввести его нельзя, а реально лишь взрастить, для чего у нас и семян-то нет. С моей точки зрения, неправы все, хотя и по-разному. Попытаюсь объяснить почему.

Социалистический выбор я понимаю (вслед за теми, на кого ныне и ссылаться не модно) как стремление к социальной справедливости, но имея в виду равенство возможностей проявления творческого духа и созидательных задатков всех людей ради полноты жизни. И это ни заменить, ни отбросить нельзя. А вот сомнения в связи с якобы мучительной дилеммой «приватизация — национализация» происходят от неверного истолкования, что такое собственность. Ее природа, подобно природе товара, двойственна: это — и имущественное отношение людей в аспектах владения, распоряжения различными хозяйственными объектами, их использования, и экономические отношения между людьми по поводу присвоения результатов последнего. Первое доступно наблюдению и потому всегда отражается в законе, закрепляется им. Второе может быть само собою разумеющимся, как в эпоху простого товарного производства и раннего капитализма, но это скорее исключение. Можно и не заметить его, односторонне истолковывать собственность как имущественное отношение.

Частная ли собственность то, чем вы владеете и распоряжаетесь, что используете и даже можете продать, если вместе с тем вам придется платить за это налог — делиться с другими долей извлекаемых доходов, размер которой определяется не вами? Конечно нет, хотя имущество-то — ваше. Но может ли считать это имущество и своей собственностью кто-то другой, с кем вы делитесь своими доходами в размере, зависящем от его хозяйственного поведения, и кто, благодаря этому, способен купить у вас ваше имущество на выгодных для вас условиях или сделать так, чтобы распорядителю, если это — не вы, стало при-

быльным доверить использование этих вещей именно ему? Конечно, да, хотя имущество — не его.

И не имеет значения, согласно ли закону (хотя это несомненно лучше) или вопреки ему (через теневую экономику), в каких формах и по каким мотивам — нравственным, прагматическим или идеологическим — происходит такой дележ. Вот мера его — иное дело. Из-за нее собственность может оказаться ближе к частной или к общественной. Важно, насколько полно возмещаются одним людям их утраты при разделении труда (размещении хозяйства), сохраняется ли за другими рента, которую они извлекают вследствие лучших внешних условий деятельности. Общественная собственность имеет место, когда потери в доходе от труда любого хозяйственного агента, связанные с уступкой другим агентам выгодных для него видов деятельности и пользования нужными для нее ресурсами, возмещаются ему через доход от имущества за счет ренты, которую извлекают эти другие агенты как действительные пользователи имущества. При частной собственности ничего подобного нет.

Реальная социально-экономическая жизнь, в сущности, всегда развивалась между двумя никогда не реализуемыми крайностями, отображением которых служат абстрактные категории чистой частной собственности и «безупречной» общественной: одна предполагает деятельность каждого хозяйственного агента согласно лишь собственному мнению о ее целесообразности (спонтанность); другая — строгое следование действиям, предписываемым ему извне (запрограммированность). В ходе борьбы этих противоположностей, происходящей в различных формах, время от времени и при определенных условиях существующую форму собственности вытесняет новая, которая по-иному интегрирует разные способы имущественных отношений — от личного до государственного, — приспособляя их к себе.

Разобраться во всем этом очень важно именно сегодня, чтобы новации нынешней реформы не наградили нас хозяйственным механизмом, который пофырчит-пофырчит и заглохнет, а то и вовсе даст задний ход. Такая опасность весьма велика из-за непонимания существа явления собственности.

Борьба, в которой рождается новая форма собственности, происходит как ассимиляция обществом правовых норм, преодолевающая его условное расчленение последними на субъект и объект управления в их взаимопроникновении, в согласовании их интересов и знаний. Совершается такая ассимиляция повседневной деятельностью тех, кто рассматривается лишь как объект управления со стороны других, самоопределившихся в роли его субъекта. И совершается — непременно, проявляя творчество самого народа, как ни относиться к этим его возможностям, желать ли того или страшиться, содействовать ли новыми законами или препятствовать, ибо так реализуется объективная тенденция общественного производства. Она такова: сохранять соответствие разнообразия его имущественных отношений множеству человеческих интересов как побудительных мотивов хозяйственных действий. Но, встречая препоны, эта тенденция может принимать драматические формы. Еще Энгельс полагал, что политическая власть может ставить экономическому развитию преграды и толкать его по другим направлениям, но тем самым способна лишь причинить этому развитию величайший вред, вызвать растрату сил и материала в массовом количестве, а в конце концов — подготовить собственный крах. Вот — одно. А второе — последствия смешения разных способов имущественных отношений с формами собственности.

Каждый из таких способов при том или ином хозяйственном механизме может облекаться в форму, более или менее близкую к частной или общественной собственности. Сегодня не счесть стран, где при на-

личии и успешном функционировании товарного рынка, фондовой и трудовой биржи существует дифференциация налогов, процента, тарифов оплаты образования, медицинского обслуживания и т. п., государственных субсидий на все это. Трудящиеся участвуют в распределении прибылей и акционерном капитале. Действуют экономические льготы развитию хозяйства в депрессивных регионах и многое иное в том же духе. Все это — легальные каналы, через которые исторически сложившиеся способы имущественных отношений экономически приближаются к общественной собственности. И ради успеха нашей реформы не надо бы скрывать этого от тех тружеников, которые заморочены охранителями «святынь».

Известен только один способ таких отношений — тоталитарно-государственный, которому, самому по себе, подобное приближение не дано, ибо в этом случае оно осуществимо единственно перераспределением доходов через налоги и отчисления, а тоталитарное государство само с собой ни в то, ни в другое не играет. Обрести этот способ монопольное положение в хозяйстве — вот и любуйся на частную собственность высшей пробы! Такое уже едва не произошло у нас, если бы не теневая экономика. Она-то как раз — в отсутствие иных институтов — и выполняет функцию обратной связи, сигнализирующей о дивергенции целей унитарной власти и провинции, интересов государства и народа, препятствуя общественному производству вовсе утратить функцию двигателя прогресса.

2. Авторитарная власть ничего не даст для осуществления экономической реформы, как и вообще бессильны политические средства воздействия на ее саботажников в лице государственных хозяйственных органов, поведение которых и порождает обстановку неуверенности трудящихся, их коллективов в завтрашнем дне, блокируя их «хозяйские мотивации». И эти органы лишь тогда перестанут злоупотреблять своей компетенцией и активно включатся в реализацию реформы, когда их экономическая ответственность будет соответствовать их регулирующей власти, т. е. при их переводе на хозрасчет и самофинансирование. Что препятствует этому? Упорное нежелание и самих управленцев, и некоторых официальных деятелей науки признать регулирующую хозяйственную власть таких учреждений общественным ресурсом, который способен доставлять экономический эффект или вызывать его утрату и потому подлежит экономической ответственности. Мотивы одних вполне понятны; что движет другими, можно объяснить словами А. Шопенгауэра: «Каждый принимает конец своего кругозора за конец света». Экономическая ответственность особенно актуальна, если нравственная, как говорил Н. Бердяев, имеющая своим коррелятивом тысячелетнюю культуру, порушена, а политическая, по скудости резерва осведомленных и квалифицированных специалистов, малоприменима.

От этого нежелания происходит отождествление хозрасчета государственных экономических органов с хозрасчетом предприятия, только укрупненного, а такой опыт у нас уже был и доказал рост возможностей монополистических вывертов в ценообразовании, что и настораживает. И напрасно: на уровне этих органов хозрасчет может иметь объектом не саму хозяйственную деятельность, а лишь управление ею, и устанавливать ответственность не за ее продукцию, а за качество разрабатываемых планов, превращая процесс их составления в своего рода рыночный механизм согласования различных интересов, выгоды которого дают источник для финансирования этой работы и оплаты труда ее исполнителей. Достаточно продуманный проект такого механизма давно существует: уже 20 лет назад он подвергся яростным нападкам нашего «главного научно-экономического штаба» — Госплана СССР.

3. Возможно ли совместить экономическое оздоровление нашего общества с переориентацией его хозяйства на социальные цели? Так сказать, «натуральный рынок», охватывающий, конечно, и товары, и капитал, и труд, но своей сути способен наилучшим образом решать первую задачу, но не без ущерба для второй, а уже упомянутый мною механизм «рыночного планирования» — наоборот. Следовательно, необходима такая их взаимоувязка, которая бы, сохранив достоинства, элиминировала недостатки. В чем ее смысл?

План должен ориентироваться на инвестиционный цикл и быть сильно агрегированным с использованием для этого цен и структуры рыночных сделок, составляться в итеративном процессе узаконенных коммерческих отношений между государственными хозяйственными органами, выражающими интересы Союза, его республик, их регионов, отраслей, наконец, представлять собой не директиву, спускаемую вниз, а обязательства каждого из них перед теми, чьи интересы ему доверено выражать в таком процессе, с распространением на нарушителей этих обязательств экономических санкций, обычных для хозрасчетных учреждений.

Регулирующее воздействие такого плана на «натуральный рынок» должно осуществляться через устанавливаемые при его разработке нормативы рентных платежей и налогов, причитающихся с предприятий, а также отчислений им, стимулирующих мотивацию их поведения, и путем непосредственного участия государственных хозяйственных органов на паритетных началах в рыночных сделках, направленных на текущую реализацию плановых обязательств каждого из них.

Имущественным достоянием государственных хозяйственных органов в этих условиях может быть все что угодно, лишь бы это было построенное и содержащееся за счет доходов бюджета (союзного, республиканского или местного) либо ведомственного фонда, распорядителем которого выступает тот или иной из этих органов. Сюда не относятся предприятия, сданные в аренду с правом выкупа. Их имущество, как и вообще имущество всех действующих хозрасчетных предприятий, следует считать достоянием соответствующих коллективов, приобретенным в рассрочку под ежегодные выкупные платежи в бюджет, как и имущество предприятий, вновь создаваемых отдельными предпринимателями или их объединениями на акционерных началах, за счет собственных средств и кредитов. Сообразно этому, предприятие может отказать любому государственному органу в выполнении какого-либо заказа или ограничить его размеры.

Все природные ресурсы каждой республики признаются достоянием ее населения, которое как целостность, обладающая специфической функцией предпочтения, полностью владеет и распоряжается ими через свои государственные органы, предоставляя в пользование различным хозяйственным агентам. Это находит выражение в праве допуска на данной территории той или иной хозяйственной деятельности, ограничения ее масштабов и вывоза ее продукции за пределы республики.

Основными источниками доходов, помимо названных выкупных платежей, должны при этом стать: союзного бюджета — фиксированная доля рентных платежей всех предприятий страны и акциз (взамен налога с оборота); ведомственного фонда — стабильная доля таких платежей предприятий по профилю отрасли; бюджета республики — отчисления из союзного бюджета и фондов министерств (концернов) за право развития на ее территории различных производств и вывоза их продукции в масштабах, экономически выгодных распорядителям этого бюджета и фондов; местного бюджета — отчисления из бюджета республики за аналогичное право для нее в отношении данной автономии (края, области и т. п.), а также платежи местных предприятий за загрязнение окружаю-

щей среды и на покрытие расходов на ликвидацию его последствий. Сюда же следует отнести соответственно распределенные налоги с населения, в том числе и подоходные, арендные платежи, а кроме того, штрафы и пени от нарушителей договорных обязательств.

Каждый государственный орган должен быть наделен правом принимать под собственную экономическую ответственность (за счет средств подотчетного бюджета или фонда) любые действия для выполнения его обязательств по плану: кого угодно стимулировать и поддерживать, создавать любые предприятия, участвовать в любых начинаниях, включая передачу предприятий в аренду, поддержку кооперативных и индивидуальных промыслов.

Из тех же доходов государственный орган должен осуществлять отчисления в бюджеты других государственных учреждений по управлению хозяйством, а также в фонды развития производства хозрасчетных предприятий, нормируемые им самим в качестве стимулов компромиссного поведения партнеров при разработке и выполнении плана. Оттуда же ему предстоит оплачивать свои рыночные сделки, штрафы, пени, возмещение убытков за нарушения собственных обязательств. А фонд оплаты труда его аппарата следует устанавливать в твердом проценте от разницы таких доходов и расходов.

Особо нужно оговорить обязанность государственного центра в этих условиях обеспечивать за счет средств союзного бюджета необходимое республикам развитие общегосударственной производственной инфраструктуры, поддержание обороноспособности страны, правопорядка и денежного обращения, ее внешнеполитических отношений и социальных гарантий гражданам (минимальных размеров пенсий, пособий, стипендий, льгот по образованию, и т. п.). При составлении народнохозяйственного плана по республикам будут определены максимально допустимые размеры ввоза — вывоза различных продуктов и ресурсов, согласующие интересы всех участников федерации.

Эти укрупненные квоты станут еще одним общественным регулятором рынка, не препятствуя всякому конкретному предприятию любой республики в их пределах отвоевывать себе место под солнцем более высоким, чем у конкурентов, качеством работы и заключать прямые товарные сделки по конкретным изделиям с другими республиками.

Такая система отношений экономически делает союзной (общественной) собственностью все, чем владеет и распоряжается каждая республика, с одной стороны, и центр, с другой. А потому раздел имущества между республикой и центром утрачивает актуальность. Вместе с тем, становятся неосновательными опасения по поводу различий стартовых условий и «подарков» ценообразования при переходе республик на хозрасчет и самофинансирование.

4—9. Система, по-моему, опровергает и представление, будто предпринимательство может реально существовать только «в форме предпринимательства децентрализованных хозяйственных единиц», показывая (и печальный опыт Югославии здесь не при чем), что она достижима, когда экономическая ответственность становится всеобщей, охватывая и государство в части его хозяйственных функций. Стоит работникам, управляющим эти функции, попасть в положение, делающее их личные доходы зависящими от изобретательности ради лучшего выполнения собственных функций, как они будут вынуждены либо превратиться в предпринимателей, либо уступить место инициативным высокопрофессиональным специалистам.

Предлагаемая система является «смешанной», как все, что реально, а не на бумаге, существует в жизни. Иное дело — состав «смеси»: она может оказаться и гремучей при определенном принципе хозяйственного

законотворчества, как тот, в плену которого наша страна до сих пор все доказывает и доказывает, что для жизнеспособности экономических нововведений нужно не так уж много — просто помнить слова П. Я. Чаадаева: «Прогресс человеческого разума состоит не в том, чтобы налагать на мир законы собственного изобретения, а в том, чтобы непрестанно приближаться к более совершенному познанию тех законов, которые миром управляют».

Однако забываем об этом. Применительно к хозяйственному миру нашего человека такие законы обнаруживает теневая экономика. И вместо того чтобы стараться ее просто изгнать, хотя это и невозможно, надо ее исследовать, научиться отделять ее зерна (систему экономических отношений) от плевел (паразитарный капитал, коррупция, уголовщина). А затем использовать для взращивания прогрессивных хозяйственных институтов, адекватных социально-культурной среде. Наши «отцы-реформаторы» принципиально против этого, и потому их концепции, в отличие от предложенной, представляются нежизнеспособными.

Сухотин Ю. В., ведущий научный сотрудник ЦЭМИ, д. э. н.

1,7. Наука дала бы многое, если бы участники дискуссий и законотворчества всерьез опирались на ее результаты. Ныне укоренились, к сожалению, именно лишённые рациональной основы, кустарные представления о собственности. Размытые и бессвязные формулировки законов заставляют усомниться, привлекались ли к их разработке специалисты-правоведы. Впрочем, и юристы не внесли ясности в самые употребительные у нас определения имущественных правомочий (владение, распоряжение, пользование).

Но даже при наиточнейших формулировках законодательные акты не могут сотворить искомого обновления, если за ними не стоит возможность создать жизнеспособные хозяйственные уклады на основе предоставленных полномочий. Откуда, например, следует, что разрешение выходить из колхозов с наделом породит волну фермеризации, способную «отвести угрозу голода»? Нынешние настроения сельских жителей отнюдь не предвещают такого массового устремления. Вряд ли можно отмахнуться от факта утраты за многие десятилетия навыков и мотиваций, нужных для тяжелой и рискованной деятельности мелкого товаропроизводителя. Его положение остается весьма шатким и в передовых западных экономиках, практикующих широкую государственную поддержку фермерам, мелкому бизнесу. На государственный протекционизм (включая не только освобождение от налогов, но и обеспечение фермеров инвентарем, семенами, удобрениями и т. п.) уповают составители межрегиональной платформы как на условие, позволяющее «начать возрождение крестьянства» (О перестройке сегодня и в обозримом будущем. Заявление народных депутатов СССР — членов межрегиональной группы//«Век XX и мир». 1990, № 2, с. 47). Но как долго может продлиться это возрождение? И кто будет тем временем не только «отводить угрозу голода», но и обеспечивать упомянутый протекционизм?

Очевидно, те же традиционные, государственные и колхозные хозяйства. Больше ведь некому. Новые уклады либо еще не существуют, либо восприняли, подобно кооперативам, худшие стереотипы традиционной практики «насыщения спроса». Но неизбежность сохранения — пусть временного — дореформенных способов хозяйствования вовсе не исключает их внутренней переделки, реорганизации. Между тем, у идеологов межрегиональной группы (другие еще менее интересны) не находится для них другой перспективы, кроме «вытеснения», «демонтажа», «разгона». Последнее, правда, признается пока нецелесообразным. А ведь оздо-

рование традиционных хозяйственных систем дало бы населению огромную прибавку продовольственных да и других товаров быстрее и дешевле, нежели громоздкие программы «окрестьянивания», аренды и т. п. Речь идет о задаче (которую все равно надо решать и при успехе этих программ) сокращения колоссальных потерь продукции при заготовке, перевозках, хранении, переработке, а также в торговой сети. Они порождаются, как известно, не «техническими причинами», а безответственностью, безнаказанностью ведомств и служб, которым поручены эти операции. Только выявление и обезвреживание социальных причин этого антиобщественного поведения может придать серьезный характер императиву плюралистического соревнования хозяйственных укладов, основанных на различных формах собственности. В устах же идеологов вытеснения и демонтажа этот императив становится явной фальшью. Зачем нужно сосуществование в одной экономике заведомо порочных социальных систем с кристально безупречными?

Вопреки призывам к деидеологизации, многие из предлагаемых установок реформы пропитаны старой идеологией экономического либерализма. Она оторвана от современных реалий, служит обычно пропагандистской приманкой западной экономики, грубо стилизующей ее действительный характер. Эстафета научного анализа экономических полномочий и механизмов перешла к новейшему направлению институционализма — теории прав собственности. Не будучи социалистической, она во многом восприняла методологию и понятийный аппарат марксизма. Так, определение собственности как отношения между людьми по поводу имущества ставит в центр анализа точное раскрытие характера полномочий, определяющих социальное положение и поведение участников хозяйственной жизни, способствует выработке достоверных прогнозов и действенной социальной политики. Архаичное же определение — «отношение людей к вещам» — благоприятствует лишь алчным притязаниям на имущество, вакханалии дележей и раздач.

Либерализм настаивает, что лишь частная собственность естественна и благотворна. Общественная же аномальна, неэффективна, ведет к засилью бюрократии, внеэкономического администрирования. То же относится к вмешательству государства в экономику. Между тем, в капиталистических экономиках, приводимых как образец нормального, эффективного развития, частная собственность превалирует ныне лишь в сфере мелкого бизнеса. Структура полномочий в корпорациях сложна, содержит важные элементы обобществления. Так, производственное имущество (в отличие от акций) — объект не только совместной, но и нераздельной собственности акционеров. Им оперирует выборная или наемная администрация на основе делегированных («от имени» субъекта собственности, как и у нас) полномочий. Рыночная конъюнктура, движение цен во многом регулируются большим бизнесом и государством. «Госзакупки» охватывают до 1/3 валового национального продукта. Почти столько же перераспределяется на социальные нужды под контролем государства. «Рейганомика» и тому подобные «либералистские» течения не изменили того факта, что капитализм опирается не только на контрактно-рыночные, но и на директивно-управленческие регуляторы, способен попеременно выдвигать их вперед в зависимости от конкретно исторических условий.

Пресловутая административно-командная система (этот факт ныне упорно замалчивается) порождена именно капитализмом. И не только во внутрифирменном, но и в народнохозяйственном варианте. Не «военно-коммунистические идеи», а практика милитаризованных капиталистических экономик создала организацию «страны-фабрики», воспринятую сталинистскими системами «планового хозяйства». В дальнейшем

повсюду происходило движение в сторону рынка (в нашей стране — во многом в «теневых» формах). Конечно, очень просто приписать современные различия в качестве функционирования западных и так называемых социалистических экономик только неодинаковой полноте восстановления рынка. Однако большие трудности, с которыми оно столкнулось в Восточной Европе, Китае и теперь у нас, вынудили признать неосновательность упований лишь на обновление хозяйственных механизмов. Такое одностороннее реформирование дает в итоге «рыночно-бюрократическую» модель, сочетающую пороки стихийного рынка и директивно-го произвола. Либерализм с его априорным осуждением «всякой администрации» не может ответить, почему в западных экономиках управленческий аппарат промышленности, торговли, банков (относительно более многочисленный, чем у нас) вошел в режим эффективного хозяйствования. В экономиках же советского типа он превратился в диктаторский слой, переставший выражать даже прокламируемые государственные интересы.

Теория прав собственности подходит к проблеме полномочий и механизмов не с предвзятыми их оценками, а с критерием сравнительных издержек. Это позволяет раскрыть плюсы и минусы разных форм собственности, выявить рациональные области их распространения, возможности комбинирования. Особое внимание уделяется «расщеплению» и делегированию полномочий (в развитие марксистской концепции разделения собственности и управления), дающему подход к пониманию метаморфозы общественно полезной администрации в антиобщественный слой бюрократии.

Разнообразные формы собственности можно свести к двум типам — приватизированные (частная, а также паевые формы общей собственности) и социализированные (государственная и другие формы нераздельной общественной собственности).

Опасение не успеть изъять свой пай при неуспехе совместной приватизированной деятельности* побуждает каждого совладельца пристально следить за ее качеством, контролировать работу управляющих, их привлечение и отстранение. Последние опасаются «разбега пайщиков», грозящего быстрым развалом дел, не меньше, чем прямых санкций со стороны единоличного хозяина или коллектива совладельцев. Это — весьма чувствительный мотивационный механизм. Но довольно односторонний, ибо настроен только на выгоды производителя. Если они могут базироваться на ущербе потребителей или третьих лиц (как, например, в ситуациях монополизма поставщика), приватизация оказывается общественно опасной. Это отнюдь не универсальный рецепт всеобщего экономического процветания.

Конечно, второй тип собственности слабее связывает хозяйственное положение производителя с имущественными интересами совладельцев. Но он имеет принципиальные достоинства, если объект совместной собственности призван обеспечивать работой, потребительскими благами и услугами именно своих совладельцев. Сила и чувствительность этого интереса несомненна. Но коль скоро современная экономика не является совокупностью самодовлеющих натуральных хозяйств, то наиболее подходящим объектом социализированной собственности оказывается народное хозяйство в целом. Точнее, те ключевые ресурсы и производственно-управленческие системы, от которых зависят уровень занятости, структура национального продукта, сознательное макрорегулирование экономической жизни. Это — отнюдь не помеха рыночной саморегуляции. Ведь во всех экономиках с крупным производством (независимо от

* Частное хозяйство можно рассматривать как такую ее разновидность, где все пай принадлежит одному лицу.

типа собственности) партнерами в рыночных связях выступают не собственники непосредственно, а хозяйственные администраторы, которым доверено текущее управление, заключение всякого рода сделок.

Но именно делегированный характер полномочий делает администрацию самым слабым звеном в системе мотиваций. Главный ее интерес заключается не в приумножении имущества собственников и не в обеспечении населения работой и потребительскими благами. Он состоит в укреплении своих руководящих позиций («постов») — задача, которая решается тем легче, чем ниже принятое за норму качество хозяйствования, чем слабее инструменты воздействия на управляющих со стороны собственников, работников и потребителей. Бездействие этих инструментов и превращает администрацию в бюрократию — господствующий социальный слой, чья диктатура неуклонно толкает экономику и всю общественную жизнь к упадку и разрухе.

В рамках социализированной собственности преодолеть такую деградацию нельзя при помощи механизмов «разбегания пайщиков». Приходится опираться лишь на прямое употребление хозяйской власти (жесткий контроль, ротация управленцев) совладельцами общего достояния. Очевидно, эта власть может быть лишь демократической. Задача оздоровления экономики неразрывно сростается с демократическим обновлением всей общественной жизни, доведенной господством бюрократии до маразма. Ложны попытки трактовать всевластие бюрократии как ее «превращение в собственника». В поведении этого слоя нет ничего хозяйского или общегосударственного. Вместо подобающей собственнику заботы о сохранении и приумножении имущества — расточительность. Вместо разумной государственной политики уменьшения социальных напряжений — ожесточенная борьба за удержание бесконтрольной власти, кастовых привилегий и источников наживы.

Либеральная идеология подменяет объективную задачу дебюрократизации и демократизации лозунгами разгосударствления экономики и приватизации собственности, осуществимыми и в условиях режима пиночетовского типа. Видимость антибюрократической направленности создается путем ложного отождествления государства (как субъекта собственности) с чиновничьим аппаратом.

Напротив, теория прав собственности трактует государство как суверенную совокупность граждан-избирателей, формирующих все управленческие структуры. При таком подходе незачем противопоставлять государственную собственность ее общесоциализированному типу. Нет и смысла «истреблять» аппарат. Надо лишь отнять у него самодержавную власть и подчинить населению. Вместо предвзятого вытеснения одной из систем собственности открывается перспектива подлинно плюралистического их состязания на рельсах эффективности.

Обе системы совместимы с экономическим строем подлинного социализма как общества, где нет раскола на господствующие и зависимые социальные слои. Для социализированных форм собственности условие совместимости — реальное демократическое подчинение управленцев населению. Для приватизированных — некоторые специальные ограничения (например, строго единоличный или семейный труд в частных хозяйствах, полноправное членство всех работников кооператива, роль акций как титулов распределения доходов, но не собственности на средства производства и т. д.).

Вопреки традиционной марксистской идеологии, рыночная экономика — не основа «неминуемого» превращения в капитализм, а планово-директивная — не синоним социализма. Наш фактический строй с его резким противостоянием господствующих и притесняемых слоев — заведомо несоциалистическое, эксплуататорское общество. Предреформен-

ная эволюция и реформаторские перемены усиливают его капиталистический характер. Прежний теневой бизнес легализуется в широких масштабах. Но это — нецивилизованный, пещерный капитализм, основанный на альянсе бюрократии и буржуазии. Он соединяет грабительские приемы первоначального накопления с хорошо отработанными бюрократией методами создания и регулирования «голода» на все виды продуктов и услуг, террористической дрессировки работников и потребителей. Нелепо ожидать гуманизации подобного строя. Еще нелепее считать его неизбежной фазой перехода к грядущему экономическому процветанию. Социалистическая альтернатива (с возможными, но регулируемыми отклонениями в переходном периоде) была бы, думается, реалистичным курсом экономического подъема в конкретных условиях нашей страны.

2. Надо разобраться, кому и чему мешает демократия, кому и чему служит авторитарная власть. О чем «потенциале воли» идет речь — правящей верхушки, силящейся усмирить проявления общественного недовольства, или потенциале самого этого массового протеста против роли игрушки в руках самозванных «судьбоносцев», пассивного объекта некомпетентного, хаотичного социального экспериментирования.

Сталин маскировал антинародный характер своих авторитарных преобразований лживыми уверениями в их успешном ходе. «Жить стало лучше, товарищи...». Нынешние реформаторы отличаются большей откровенностью. Мужественно демонстрируют свое «доверие людям» в обращениях типа: «Жить будет хуже, товарищи. Временно, конечно. Потом непременно станет лучше». Но откуда взялась эта аксиома неминуемости ухудшения? Что предпринято, чтобы его избежать или смягчить? Кто кому должен оказывать доверие? Заслуживают ли его обновители, не нашедшие (или не искавшие) безболезненных способов реформирования?

Идеологи ставят в заслугу властям инициативу перестройки, требуя за это диктаторский режим, т. е. отказ от ключевого пункта самой перестройки. Да и так ли уж велика эта заслуга? В ней воплотился типовой страх всех «революционеров сверху» быть сметенными взрывом народного недовольства. Конечно, это — трагичная для правителей перспектива. Но так ли уж она плоха для общества, для страны? Радикальная ликвидация режима, практиковавшего в свое время массовый террор, выбирающего донныне по своему произволу формы и степень либерализации (во многом фальшивой, показной), была бы, думается, не только гуманным решением, но и надежной опорой подлинного социально-экономического прогресса.

Нынешние обновители (и их либеральные советчики) доказали свою несостоятельность, некомпетентность на множестве примеров — от попыток быстро насытить спрос, решить продовольственную проблему до урегулирования межнациональных конфликтов. За что ни схватятся — провал, итоги противоположны обещаниям. Не диктаторской властью наделять таких руководителей, а привлекать к персональной ответственности и отстранять, пока не поздно. С гласным разбором дел и стиля работы каждого, нелицеприятным сопоставлением плюсов и минусов заменяемых и их возможных преемников.

Для такого оздоровительного процесса нужна не авторитарность, а именно демократические механизмы ротации кадров. Не приведут ли они, однако, к карусели негодных руководителей, к приходу еще худших на место уволенных? Критерий оперативной проверки достаточно прост и общеизвестен — качество поддержания элементарного порядка, способность использовать по прямому назначению те ресурсы и возможности, которые имеются налицо. Можно ли, спрашивается, доверять «революционные

преобразования» основ экономики руководству, которое не умеет (не хочет?) наладить регулярную доставку готовой продукции потребителям (крайне обострившаяся ныне проблема «пустые магазины — полные склады и вагоны»)? Очистить хозяйственные организации особенно на транспорте и в торговле от воров и жуликов? Во всех цивилизованных рыночных экономиках такие элементы неукоснительно выметаются административным способом. У нас же царит трегубовская система, где они возглавляют дело, избавляются от честных тружеников или превращают их в своих пособников, облагают «рентными платежами» в пользу начальства. Налаживают соответственно организацию работы и учета, чтобы обеспечить источники таких платежей.

Поворачиваясь спиной к подобным прозаическим вопросам (решение которых, не требуя ни длительных сроков, ни крупных расходов, сняло бы, вероятно, львиную долю мучающих население повседневных неурядиц), авторитарное де-факто руководство страны замахивается на одно-временное и наискорейшее «внедрение» рыночной экономики, системы отношений собственности, коренной структурной реконверсии народного хозяйства, характера внешнеэкономических связей и т. д. Не разбираясь толком в механизмах функционирования насаждаемых институтов, довольствуется копированием нелучших зарубежных образцов (включая авантюрные попытки «шоковой» радикализации) и упованием на авось, — должны же, мол, они заработать.

Тяжкие последствия своей некомпетентности обновители готовы переложить на рядовых граждан. Призывают смириться с инфляцией и массовой безработицей. Смело называют цифры порядка 40 млн. человек то ли в качестве необходимого стимула интенсификации труда («заставить людей работать!»), то ли в качестве благого результата этой интенсификации. Между тем ни структурная перестройка народного хозяйства, ни рыночная экономика не порождают принципиально неустранимой безработицы. Свертыванию неэффективных производств обычно (а в нашей стране особенно остро) противостоит нужда других отраслей в дополнительных кадрах и ресурсах (скажем, в переливе людей и техники из минводхозовского канавокопания в жилищное и дорожное строительство). Богатый инструментарий регулируемой рыночной экономики позволяет в принципе совместить динамизм и высокую эффективность с условием полной занятости. Реформаторам бы подойти к проблеме с этого конца, подумав и о необязательности совмещения во времени топорной реструктуризации с неуклюжей маркетизацией. Но нет. И уже Л. И. Абалкин [Лит. газета. 1990, 28 марта] полагает, что общество сможет «компенсировать» будущие легионы безработных «только свободой, включая свободу предпринимательства». Недурная компенсация, если учесть, что даже для простого «окрестьянивания» затраты на обустройство составляют 0,2—0,3 млн. руб., т. е. человеку со средним заработком надо копить его около 100 лет, чтобы стать такого рода мелким предпринимателем.

Если кто и нуждается в шоковой терапии, то прежде всего сами идеологи и политики. И этого события, вероятно, не миновать. Жаль, однако, что реформаторы, эти либералы по фразеологии, сталинисты по приемам социальной политики, успеют нанести обществу тяжелый экономический и моральный ущерб.

Между тем подлинная демократизация, начинающая с мер наведения элементарного порядка, — вполне реальная альтернатива. Массы не только активизируются, выступают за «революцию снизу», но успели показать способность к высокой самодисциплине. Скажем, забастовщики не только активизируются, выступают за «революцию снизу», но успели преступности, сумели организовать действенное давление на власть,

показать, что и взятие власти народом — реальная задача. Но это, как отмечалось, — важнейшее условие эффективного функционирования социализированной собственности, плодотворного плюралистического состязания хозяйственных укладов на пользу обществу.

3. Главная составляющая «принципа компромиссов», конечно, социально-политическая. Кто и во имя чего определяет саму ситуацию компромисса, призывает к взаимным уступкам, а то и к жертвам, определяет их масштабы? Не надо зауживать распределение власти до частного подвопроса «центр—регионы». Глобально определяет жизнь нашего общества дихотомия «правлящий слой — рядовые граждане», с распределением власти 1 : 0 в пользу первого. В том же примерно отношении он стремится поделить выгоды реформ, а издержки — наоборот (0 : 1). Что касается конкретных задач, бросается в глаза, как властимущие обычно выдвигают самые ненадежные, дорогостоящие и долгосрочные способы их решения. Чтобы оправдать провалы сложностью задачи, нехваткой средств, оттянуть в неопределенность расплату за содеянное. Скажем, вместо борьбы с потерями урожая (где можно незначай обидеть хорошо устроившихся соначальников), перенести главный нажим на радикальное повышение урожайности, многосложную социальную программу возрождения крестьянства и другие, захватывающие дух своим размахом начинания, которым уже как-то неудобно адресовать прозаический вопрос — скоро ли они позволят «накормить страну». Здесь, конечно, описан фактический, «сущий» подход к проблеме компромиссов, а не «должный». Для перехода к последнему должно быть прежде всего изменено вышеназванное распределение власти.

4. Вопрос звучит как-то дико с позиций здравого смысла (подбор Сеньки по шапке, а не наоборот). Но такова уж логика нашего авторитарного реформаторства. Народ, мол малопригоден для создаваемого прекрасного нового мира. Надо заставить, сломать, перековать людей. Напротив, не только элементарная гуманность, но и трезвый экономический расчет подсказывают искать лучшие способы обращения с «теми типами», которые имеются налицо. Помнить, что они — не оловянные солдатики, способны сами формировать свой жизненный курс. Да вдобавок неблагоприятно повлиять на положение нынешних «судьбоносцев». Кстати, будущее хозяйственное устройство пока отнюдь не предначертано однозначно — так что оставалось бы лишь следовать сакраментальному девизу «За работу, товарищи!»

5. К сожалению, мы никуда не ушли от тотального насилия властью-предержащих. Правовым обществом и не пахнет. Кругом акции быстрого реагирования — не только в виде административных, но и законодательных мер, предпринимаемых в обстановке келейности, анонимного редактирования. Зачем «быстрые действия» для внедрения в жизнь сырых законов, не вызывающих (и не заслуживающих) доверия? Никакого правового прогресса быть не может, пока у власти находятся люди, использующие государственную прокуратуру для сокрытия своих преступлений.

6. У нас не только «плохой план» и «плохой рынок», но и «плохой регулируемый рынок», созданный совместными усилиями бюрократии и буржуазии. Это — искусственно организованный и управляемый (перебои в снабжении, терроризирование клиентуры) товарный голод. Решение видится в радикальном понижении социального статуса главных регулировщиков — от роли вельможных властителей и подателей благ к положению жестко ответственных служащих, как подобает в цивилизованных экономиках.

9. Не разделяю пессимизма в вопросе о совместимости бюрократии и капиталистического предпринимательского духа. Сейчас он бьет фон-

таном — бюрократы оказались вовсе не такими косными консерваторами по коммерческой части, как ошибочно считалось. Быть может, наиболее точным обозначением нынешнего социального режима был бы термин «АНТократия». Правда, для блага общества такому предпринимательству нужны не шпоры, а очень крепкая узда. Лишь коренное оздоровление механизмов власти позволит повернуть на пользу стране изобильные, как оказалось, ресурсы беспокойной предприимчивости.

Львов Д. С., зав. отделом ЦЭМИ, член-корр. АН СССР

1. Вопросы собственности — ключевые в социально-экономической сфере. Идеологические табу предшествовали их изучению. Основополагающее положение марксистской теории о том, что общественная собственность является более высокой формой собственности по сравнению с частной, не имеет достаточного обоснования. Пока что наиболее эффективные социально-экономические отношения складываются в обществе, формировавшемся на базе частной собственности. В связи с этим можно поставить такие теоретические вопросы:

есть ли более прогрессивные альтернативы частной собственности и ее «производным»;

если нет, то каким образом осуществить переход к частной собственности, минимизируя социальные потрясения?

2. Скорее всего, не политическая система должна «вытянуть» экономические отношения, а наоборот. Преувеличивать роль политической власти — ошибка. Попытки культивировать реформу сверху обречены на провал, так как, они, по сути дела, ничем не отличаются (по большому счету) от практикуемой уже 70 лет политики «декомпозиции» так называемых народнохозяйственных интересов и навязывания их членам общества. Политические изменения должны стать результатом экономической реформы. Единственное, что может сделать государство, — защищать новые формы, самостоятельно зарождающиеся в экономике, оградив их от агрессивной внешней среды. Действительно демократическое общество может быть построено на основе композиции интересов, в процессе которой выявляются «весовые коэффициенты» интересов членов общества, их место в производстве и распределении, мера их собственности. Начинать же надо с защиты интересов собственности.

3. Нельзя гоняться за двумя зайцами. Перестройка — это кризис (причем, кризис, разрешающий противоречия, накопившиеся за 70 лет социально-экономического застоя). Поэтому трудно рассчитывать на скорые решения каких-либо существенных социальных задач. Скорее всего, надо говорить о механизме социальной защиты.

Реальность такова, что основная опасность — усиление дифференциации доходов. Если и дальше единственная сфера вложения денег — рынок потребительских товаров (не считая теневой экономики), такая дифференциация резко усилит дифференциацию реальных доходов, приведет к росту цен и существенным потерям для малоимущих. Единственный выход — создать для тех, у кого доходы растут, эффективную сферу их вложений. Такой сферой может быть инвестиционная деятельность, покупка недвижимости, акций и т. п. Поэтому синхронно с созданием рынка производственных товаров (о чем говорит большинство авторов) необходим рынок труда и капитала.

5. Видимо, трудно имплантировать новые прогрессивные правовые акты в сложившуюся систему, которая с ними не согласуется. Разовая реформа, затрагивающая все аспекты, мало реальна. Поэтому вполне возможно, что переход к новым правовым нормам может осуществлять-

ся путем создания свободных зон (где начинает действовать международное право).

Противопоставлять план и рынок неправильно. Маркс считал стихийность конституирующим признаком рынка, поэтому организованность (т. е. план), по его мнению, и была его альтернативой. На самом деле антиподы — это рынок и монополия. Отсюда и нужно исходить. Поэтому создание рынка — это прежде всего ликвидация монополии, и ничто другое.

7. Должен быть обеспечен плюрализм форм собственности, поставленных в равные условия.

8. Есть экономика развитая и есть развивающаяся; так называемая смешанная экономика — это развивающаяся в переходном режиме.

9. Все зависит от объекта собственности; если речь о не очень большом земельном участке, то предприниматель либо собственник, либо арендатор. Лучше всего развивать персонифицированные формы собственности (с четко определенной долей участия каждого собственника). В рамках коллективных форм собственности (собственность общества, региона, города и т. п.) необходимо избегать такой ситуации, когда коллективный собственник (без персонификации собственности) занимается сам предпринимательской деятельностью.

Кочеврин Ю. Б., ведущий научный сотрудник ИМЭМО, д. э. н.

1. Характеризуя экономическую и социальную реформу в СССР, мы часто говорим о коренной перестройке «производственных отношений социализма». Нелишне вспомнить, что главное в определении производственных отношений, во всяком случае в марксистской теоретической традиции, связывается с характером собственности на средства производства. В этом пункте намечается существенное несовпадение общепринятой теории с реальной хозяйственной практикой. До сих пор хозяйственная реформа шла по пути формирования собственности трудовых коллективов на свое предприятие. Расхождение между терминами «собственность на средства производства» и «собственность на предприятие» носит отнюдь не случайный характер, они связаны с различными понятиями. Предприятие может не быть, и в значительной мере фактически не является, собственником тех средств производства, которые оно употребляет. Начать с того, что рабочая сила никогда не составляет часть собственности «предприятия» — ни при капитализме, ни при социализме. Даже в самом производственном процессе отношения «предприятия» с рабочей силой регулируются определенными договорными нормами, что служит юридическим выражением автономии собственников в качестве сторон договора: рабочего (служащего) на одной стороне и предприятия — на другой. Но предприятие не является также в полной мере и собственником тех материальных средств производства, которые оно употребляет. Значительную их часть предприятие отчасти арендует, отчасти формирует за счет заемных фондов. С позиций бухгалтерии (а эти позиции весьма существенны) собственность предприятия больше всего совпадает с так называемой чистой балансовой стоимостью, означающей разницу между общими активами и общей его задолженностью. Величина этих «чистых активов» может составлять лишь некоторую часть средств производства, употребляемых предприятием.

Но бухгалтерское определение собственности предприятия, при всей его видимой точности, не достаточно. Что такое чистые активы с точки зрения предприятия? Конечно же, это не просто балансовая величина, даже если она определяется на основе постоянных переоценок реальных

активов, с учетом их «восстановительной» стоимости и износа, она не может удовлетворительно оценить искомую собственность предприятия. Если предприятие неприбыльно или убыточно, его чистые активы в экономическом смысле равняются нулю или даже отрицательной величине. Этот факт полностью обнаруживает себя при формальном банкротстве предприятия, когда даже ликвидация всех активов не способна покрыть обязательств. В этой зависимости «чистых активов» от рентабельности предприятия раскрывается экономическое (в отличие от простого счетного) содержание понятия «чистые активы». Рентабельность, прибыльность составляют непредсказуемый результат, принципиально отличающийся от всех других результатов деятельности предприятия, которые заранее зафиксированы в качестве «обязательств» предприятия по отношению к самым разным категориям договаривающихся сторон. Именно поэтому «собственность на предприятие» — это особая категория. Неспособность это понять приводит к большой путанице, в результате которой хозяйственное предприятие, фирма как самостоятельный субъект экономического анализа, когда речь идет о хозяйстве капиталистического типа, вообще не фигурирует.

Также отсутствует в этом случае и субъект собственности, а именно предприниматель. Чистая прибыль и чистые активы в качестве экономического значимого результата деятельности хозяйственного предприятия проистекают из координирующей и иницирующей деятельности руководства предприятия, будь то его формальные владельцы или их доверенные лица, т. е. наемные управляющие. Если при этом иметь в виду, что координирующая деятельность оплачивается отдельно, как жалование руководителя уже сложившейся организации, то на долю предприятия в виде его чистого результата остается лишь иницирующая деятельность. Именно она и составляет содержание предпринимательства — и только в этом смысле чистая прибыль является результатом предпринимательства. Для людей, знакомых с историей экономической мысли, очевидна связь этого подхода с теорией прибыли И. Шумпетера. «Предпринимательская прибыль,— писал он,— это часть средств, остающаяся свободной после покрытия всех издержек, свободной прежде всего с точки зрения самого предпринимателя».

Характер понятия «собственность на предприятие» и связанного с ним понятия «предприниматель» как субъекта этой собственности позволяет более четко очертить круг возникающих между ними экономических и юридических отношений. Если применить этот анализ к тому кругу проблем нашей экономической реформы, которые вырастают в связи со становлением «социалистического предприятия» в качестве самостоятельной хозяйственной единицы, то многие вопросы получают более последовательное толкование. Взглянем с этих позиций на распространенную формулу полного хозрасчета: самоуправление, самокупаемость, самофинансирование.

Эта формула никоим образом не определяет собственности в отношении используемых ресурсов. Эти ресурсы — материальные, трудовые, денежные — могут формироваться как за счет внешних источников, так и внутренних для предприятия. Тот реальный экономический потенциал, который использует предприятие для осуществления своих целей — полного хозрасчета — формируется на путях аренды, займов самого разного рода, внутренних накоплений. При этом разнородные (в смысле источника) элементы такого потенциала юридически оформляются как собственность многочисленных контрагентов предприятия, т. е. они в строгом смысле не составляют собственность предприятия. Правда, именно здесь в отношении собственности предприятия и собственности используемых им ресурсов существует серьезное расхождение между экономи-

ческим и юридическим аспектами процесса. С экономической точки зрения процесс формирования имущественных прав никогда не доходит до конца, всегда оставляет «зону неопределенности». В отношении внешних контрагентов эта зона неопределенности чаще всего связана с неполнотой хозяйственного договора.

9. XX век, и особенно его вторая половина, показал подлинные возможности автономного и самостоятельного оформления предпринимательской функции в виде особой системы легальных отношений, оформивших положение профессиональной управленческой прослойки в промышленно развитых странах. Развитие пошло по пути отделения собственности на средства производства от их управления в рамках современного предприятия. Однако это отделившееся управление долго не воспринималось как система особых отношений собственности, т. е. как ее особый субъект. Отчасти это объяснялось постоянным наличием той зоны неопределенности, которая ограничивала имущественные притязания новой менеджеристской прослойки от притязаний остальных договорных сторон, входящих в орбиту предприятия.

Так или иначе, четкая разделительная линия между предпринимательством как особой социальной функцией и другими экономическими ролями, оформленными в виде специфических отношений собственности, существовала лишь в ряде крупнейших корпораций, и даже в этих корпорациях четкость этой разделительной линии часто уступала место многочисленным переплетениям отношений собственности на ресурсы с собственностью на предприятие. Иначе говоря, развитие отношений собственности далеко не везде выявляло специфику предпринимательской деятельности.

Представляется своевременным проследить дальнейшие перспективы в этой области, наметившиеся в самое последнее время. Такие глобальные тенденции развития человечества, как интернационализация общественной жизни в различных ее областях, новый этап научно-технической революции, выделение ряда общих для всего человечества задач, не могли не повлиять на самые разные аспекты предпринимательской деятельности. Видимые линии эволюции в этом вопросе весьма примечательны и симптоматичны. Децентрализация управления, глубоко коренящаяся в сфере научно-технического прогресса (и особенно тесно связанная с общим развитием информационно-электронного комплекса) оказывает повсеместное влияние на отношения собственности, в которых реализуется современное предпринимательство. Можно отметить такую тенденцию, как превращение крупных корпораций в своеобразные федерации (созвездия) деловых центров, автономных предпринимательских групп (стратегических хозяйственных центров), а также и явную тенденцию к деконцентрации. Она имеет сейчас уже глобальное выражение в виде бурного роста числа мелких и средних предприятий на фоне постоянных перестроек крупнейших объединений старого типа. Если при этом учесть, что новые предприятия самого разного размера возникают на базе совместной собственности (на стыке участия ряда других предприятий), смешанной собственности (на стыке государственной и частной собственности), отделившейся собственности (дочерние предприятия крупных фирм), то все это ведет к оформлению прав на предприятие и утверждению имущественных притязаний предпринимателей отдельно от иных имущественных прав и, в первую очередь, прав собственности на разные виды ресурсов.

Навстречу этим весьма разнородным тенденциям, но связанным одним корнем — децентрализацией управления — устремляется другая мощная социальная сила — движение в сторону самоуправления трудовых коллективов. Этот процесс сам по себе весьма важен. Но и в сфере

формирования прав собственности и оформления современного предприятия он приводит к ряду видимых изменений. Бригадные формы организации труда, оформляясь экономически, во многих случаях близко подходят или даже смыкаются с тенденциями децентрализации управления. Схемы участия трудящихся в управлении производством и в результатах предпринимательской деятельности (т. е. определенный баланс прав и ответственности трудящихся за результаты предпринимательской деятельности) развиваются в целом ряде стран. Особенно следует выделить в этом отношении Швецию, ФРГ, Японию. Своеобразный опыт каждой из них в области так называемого партисипаторного управления заслуживает особого освещения.

Наконец, ни одно исследование современных предпринимательских форм не может пройти мимо опыта самоуправления трудовых коллективов, который наиболее последовательно представлен в Югославии. Построение всей системы общественных отношений (а не только экономических) на базе самоуправляемых трудовых коллективов заслуживает пристальной оценки как в плане ее достижений, так и очевидных неудач.

Какое значение все эти тенденции могут иметь для решения стоящих перед нами проблем? Очевидно, задачи формирования хозяйственного предприятия (фирмы) находятся в глубокой связи с общей динамикой всей социальной и экономической жизни. Те подходы, которые намечены выше, относятся и к путям формирования хозяйственного предприятия и в этом смысле приложимы к различным условиям нашей страны. При всей разнородности таких условий следует особо подчеркнуть, что создание предприятий (фирм) и института собственности, оформляющего их, не однородна и не тождественна развитию отношений собственности в целом. Иначе говоря, предприятие способно формироваться на базе самой разнообразной собственности на основные виды ресурсов, участвующих в хозяйственной деятельности. Этот вывод существен потому, что в нашей экономической и общественно-политической литературе слишком часто вопрос о формировании «социалистического предприятия» напрямую связывается с вопросом о групповой (коллективной) собственности на средства производства.

Такая прямая связь, во-первых, аналитически неверна, поскольку вопрос о собственности на предприятие имеет свою природу, отличную от собственности на основные используемые им ресурсы. Во-вторых, в чисто практическом плане эта связь может послужить препятствием реальной перестройке экономических отношений, которая в области промышленности совершается на исходной базе крупного производства, крупных технологических и организационных единиц. Следует исходить из того, что в силу особых исторических условий уровень производственной концентрации в нашей стране необычайно высок и намного превышает соответствующие показатели всех промышленно развитых стран. Переход от этой организационно-технологической системы к системе хозяйственных предприятий (фирм) может быть резко ускорен при сочетании разнообразных форм собственности на основные ресурсы, с возможностью сохранения позиций собственника за институтами центрального государства, региона, республики и т. д., но также и за другими предприятиями, общественными образованиями, частными лицами. Смешанная собственность на ресурсы, наряду с выделением предприятия как особого объекта собственности может явиться той обобщающей концептуальной основой, которая будет способствовать неизбежному формированию разных предпринимательских единиц.